

Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация. Круглый стол журнала «Полис» и кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. 2013. — *Полис (Политические исследования)*. № 6. С. 46-63.

Романенко Л.М. 2002. Лики российской толерантности (Размышления участницы симпозиума). — *Полис (Политические исследования)*. № 6. С. 175-180.

Россия: трансформирующееся общество. 2001. М.: ИС РАН. 640 с.

Сартори Дж. 2003. Искажение концептов в сравнительной политологии. — *Полис (Политические исследования)*. № 5. С. 65-75.

Семенов И.С. 2004. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. — *Полис (Политические исследования)*. № 1. С. 101-114.

POLIVAeva Nadezhda Pavlovna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief of the Chair of Social-Humanitarian and Economical Disciplines, Federal Service for Execution of Punishments of Russia (Irkutskaja str., 1a, Voronezh, Russia, 394072; nadezhda-polivaeva.n@yandex.ru)

THE CURRENT CONDITION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN CITIZENS: HETEROGENEITY VS HOMOGENEITY?

Abstract. Political consciousness of the modern Russian society is characterized by two interrelated trends and features of the evolution: heterogeneity and homogeneity. The ideological and political orientations of the Russians are extremely vague and diffuse. At the same time, there are prospects of ideological symbiosis, which, apparently, would mitigate the split in political consciousness, understood as a lack of consensus about basic values.

Keywords: political consciousness, heterogeneity of political consciousness, homogeneity of political consciousness, fragmentation, pluralism of political orientations, value split

ЗЕЛЕТДИНОВА Эльвира Анваровна — д.полит.н., профессор; заведующий кафедрой социологии и психологии Астраханского государственного технического университета (414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; zeletdinova@list.ru)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЕ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения границ и размеров социальной базы либеральной модернизации экономики в России. Анализируются размеры и социальный вес современной российской буржуазии и модернизационный потенциал российского среднего класса. Определяются социальные группы российского общества, напрямую заинтересованные в модернизации отечественной экономики и являющиеся носителями либеральной идеологии.

Ключевые слова: либерализм, социальная прослойка, социальная база, буржуазия, средний класс

Все многообразие определений либерализма строится на триаде основных ценностей: «рыночная экономика — индивидуализм — права человека», из которых выводятся все основные принципы либерализма:

- уменьшение вмешательства государства в жизнь граждан;
- свобода индивида в экономической, политической и других сферах жизни общества;
- соблюдение прав личности (право на частную собственность, жизнь, свободу);
- справедливое судебное разбирательство;

– свобода частного предпринимательства и торговли.

Для государств, вставших на путь демократической трансформации, вопрос о либерализации становится одним из самых сложных и противоречивых. Как утверждает один из создателей теории геополитического моделирования (*IFs*) профессор Э. Хиллебрант, поощрение поверхностных изменений в странах, прежде чем они по-настоящему либерализуются, сильно повышает вероятность краха государства. С одной стороны, ослабление автократии в значительной степени увеличивает вероятность краха, с другой – и слабая частичная демократия, сводимая к простому голосованию, является государством самой высокой степени риска [Hughes, Hillebrand 2006: 5].

Однако в России, все еще не завершившей трансформацию, не свободной от автократии и не построившей сильную демократию, в 2013 г. появляется программа либеральной политической платформы партии «Единая Россия», в которой утверждается, что «процветание и справедливость для всех граждан России не могут быть достигнуты без либеральных идей», что «в политическом поле России нет других партий, кроме “Единой России”, способных реализовать либеральные ценности: свободу, частную собственность, справедливость, солидарность, суверенитет»¹. Понятно, что после краха «оранжевого» проекта, неудач своих либеральных оппонентов, у ЕР появилась возможность и потребность борьбы за либеральный электорат, неизбежно появившийся вместе с развитием рынка.

В этой связи возникает проблема определения границ и размеров либерального электората в России. А акцентирование программы на идеях и ценностях либерализма актуализирует вопрос об их имманентности массовому сознанию россиян. Исследователям, ставящим перед собой цель объективного анализа, необходимо ответить как минимум на несколько вопросов. Можно ли считать, что эти либеральные ценности интериоризованы российским социумом? Может ли либерализм стать идеологией и практикой современной России? Имеет ли он в России собственную социальную базу?

Как известно, новая либеральная идеология появилась как ответ на запросы нового класса, претендующего на господство в результате революций и реформ XVI–XVII вв. Главная либеральная идея свободы связывалась с отношением людей к собственности, которая и стала определять их социальное положение и размеры получаемых ими социальных благ. К началу XX в. общественный класс собственников капитала приобрел значительное экономическое и политическое влияние, способствовал развитию рыночной экономики и индустриального общества, утверждению ценностей демократии и либерализма.

Именно социальные последствия приватизации государственной собственности и утверждения института частной собственности в начале 1990-х гг. стали ключом к пониманию глубинных изменений социальной структуры российского общества. В России оформился новый социальный класс собственников, состоящий из крупных и средних предпринимателей, владельцев фирм и предприятий, как правило, профессионально занятых бизнесом [Силласте 2001]. Именно современная российская буржуазия должна составлять социальную базу либерализма в России.

Размеры и социальный вес этого нового российского класса трудно установить точно. Во-первых, это социальное образование до сих пор не завершило процесс своего формирования, во-вторых, анализ роли российской буржуазии в экономике России дополнительно затрудняется из-за наличия огромного сектора теневой экономики. В-третьих, по имеющейся статистической информации трудно провести оценку общих размеров частного сектора, его реальной рентабельности, распределения активов между крупной, средней и мелкой буржуазией, их доли в экономике страны.

Сегодня российская буржуазия представляет собой неоднородное образование, которое может быть разделено по размерам (крупная, средняя, мелкая), по про-

¹ Заявление либеральной платформы в составе партии «Единая Россия». – *Взгляд: Деловая газета*. 2013. 29 янв. Доступ: <http://www.vz.ru/information/2013/1/29/618049.html> (проверено 05.10.2014).

исхождению своего богатства (в результате приватизации или самостоятельно), по сфере применения (услуги или производство товаров) [Ханин 2013: 16].

Крупная буржуазия произрастает из корпоративного и частнохозяйственного капиталистического уклада и подразделяется на компрадорскую (сырьевую), корпоративную и частновладельческую. О. Шкаратан приводит убедительные данные: в России 1% самых состоятельных граждан получают 40% всех доходов, тогда как даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% национальных богатств [Шкаратан 2011: 80]. К этой группе в России относятся и так называемые госкапиталисты – государственные чиновники, совмещающие исполнение управленческих функций с бизнесом (что по закону запрещено) либо превратившие исполнение управленческих функций в особую сверхприбыльную форму бизнеса. Их доходы зависят от места, уровня во властной вертикали. Сюда же относятся олигархи – владельцы огромных промышленных и финансовых империй. Их прибыли и сверхприбыли формируются в основном в результате сырьевого экспорта либо банковских или биржевых операций.

К средней российской буржуазии можно отнести предпринимателей со средним уровнем капитала, пытающихся организовать отечественное капиталистическое производство. Мелкие частные предприниматели – довольно большая масса людей, бизнес которых должен выжить в условиях запутанной правовой системы, постоянных проверок и коррупционных поборов, высоких банковских процентов.

Доля крупного бизнеса в общем выпуске продукции составляет 21,5%, среднего бизнеса – 7%, а мелкого – 21%. Их экономическое и политическое влияние несопоставимы. Крупный бизнес сконцентрирован, мелкий и средний – распылены. Крупный сконцентрирован в ключевых отраслях сферы производства, мелкий и средний – преимущественно в сфере услуг. Экономические организации крупного капитала (например, Российский союз промышленников и предпринимателей, называемый также профсоюзом олигархов) намного влиятельнее предпринимательских организаций средней и мелкой буржуазии [Ханин 2013: 16]. Что же, тем не менее, служит для них объединяющим началом?

Национальный институт развития современной идеологии в конце января 2011 г. завершил первый, пилотный этап исследования класса российских буржуа¹, в ходе которого было выявлено два подхода.

Сторонники первого подхода определяют буржуазию не в виде социального класса, страты или слоя, а в виде определенного образа жизни, образа мысли, ментальности и вытекающих из этого особенностей поведения и деятельности. То есть, сторонники этого подхода приписывали тем, кого они называли буржуа, такие качества, как независимость, экономическая самостоятельность, активность, инициативность, предприимчивость, стремление к преумножению капитала и интерес к общественной жизни.

Второй подход связан с пониманием буржуазии как класса, владеющего средствами производства и капиталом, эксплуатирующего наемный труд и стремящегося к получению прибавочной стоимости.

Однако и первый, и второй подходы сходятся в том, что в современных российских условиях буржуазией можно считать не всякого собственника, а только тех, кто распоряжается, управляет своей собственностью в целях получения прибыли. По мнению экспертов, в России только крупный капитал можно считать буржуазией, потому что «только он является политическим классом и может диктовать свою волю, используя те или иные институты и механизмы, может защищать свои интересы, в том числе свою собственность. У всех остальных собственность не защищена, ее можно в любой момент отобрать» [Силласте 2001].

Понятно, что и идеологически новый класс российских собственников неоднороден. Часть его имеет четко выраженную прозападную ориентацию. Это прежде всего владельцы фирм, акционерных обществ, получающие свои доходы от тор-

¹ Российская «национальная буржуазия» как новый социальный слой. – *Гостиния журнала «КОНТЕКСТ»*. 2011. 16 февр. Доступ: <http://www.nirsi.ru/117> (проверено 05.10.2014).

говли природными ресурсами и спекулятивных валютных операций, а не от собственно производственной деятельности.

Другая часть современной российской буржуазии занимается производственной деятельностью, но при этом испытывает большие финансовые, материальные и даже моральные трудности. Совершенно разные интересы не позволяют этим группам собственников консолидироваться, осознать себя единым социальным слоем, классом или общностью. Превращению российской буржуазии в реальный социальный класс (реальную социальную силу) мешают несколько факторов, выделенных в работе известного российского экономиста Г.И. Ханина «Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза)».

Во-первых, это малочисленность данного социального слоя. Как говорится в политическом докладе, представленном 23 июня 2010 г. на заседании Либерального клуба партии «Единая Россия», сегодня политика комплексной модернизации страны находится в опасности. Эта опасность состоит как раз в нехватке ее социальной поддержки¹. Россия, по данным национального отчета «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012», занимает 67-е место (из 69 возможных) в мире по числу бизнесменов, поскольку в предпринимательство вовлечены только 7% населения страны².

Если в странах БРИКС каждый 8-й житель открывает свое дело, а в странах Восточной Европы – каждый 11-й, то в России только каждый 23-й россиянин (4,3%) в трудоспособном возрасте является ранним предпринимателем (создавшим предприятие менее 3 лет назад). В расчетах численности предпринимателей в России к легальной буржуазии часто добавляют нелегальную, хотя нередко один и тот же человек может заниматься одновременно и легальным, и нелегальным предпринимательством [Ханин 2013: 22]. Таких россиян около 22 млн. По мнению директора департамента развития малого и среднего предпринимательства Минэкономразвития Натальи Ларионовой, это те россияне, которые не учтены в секторах экономики. Это, по ее мнению, означает, что они занимаются малым бизнесом, хотя и не зарегистрированы официально в качестве предпринимателей³. При низкой предпринимательской активности только 33% зарегистрированных предпринимателей могут преодолеть 3-летний этап. А в экономически развитых странах число компаний, работающих более 3,5 лет, превышает число вновь создаваемых компаний. Стремясь активизировать мелкое предпринимательство, что стало просто необходимым после введения экономических санкций, правительство пытается вовлечь в экономику предпринимателей, которые занимаются бизнесом неофициально, не привлекая наемных работников.

Второй фактор связан с чрезмерной мелкостью предприятий малого и среднего бизнеса в России. Здесь в ходе радикальной экономической реформы на смену гипертрофизированному гигантизму советской экономики пришла не менее неэффективная ее гипертрофизированная деконцентрация [Ханин 2013:13]. Индивидуальный предприниматель на предприятии с числом занятых менее 3 чел. (а таких подавляющее большинство) весьма условно может быть назван «буржуазией». Иногда их доходы немногим превышают доходы наемных работников.

В-третьих, это экономическая слабость. Российской буржуазии так и не удалось создать мощную финансовую систему. Российские финансовые институты, хотя и окрепли по сравнению с 1990-ми гг. и набрались опыта, все еще слабы по отношению к потребностям экономики и финансово неустойчивы.

Препятствует либерализации российской буржуазии и ее зависимость от государства. Российская буржуазия с большим трудом и потерями перенесла экономиче-

¹ Аналитический отчет Национального института развития современной идеологии (НИРСИ) по результатам исследовательского проекта «Российская “национальная буржуазия” как новый социальный слой: представления в общественном сознании». 2011. Доступ: <http://www.nirsi.ru/118> (проверено 05.10.2014).

² Россияне не хотят заниматься бизнесом. – *Российская газета*. 2013. 17 янв. Доступ: <http://www.rg.ru/2013/01/17> (проверено 05.10.2014).

³ Эксперты подсчитали количество предпринимателей в России. Доступ: <http://www.km.ru/economics/2013/04/22> (проверено 05.10.2014).

ские кризисы 1998 и 2008 гг. Без помощи государства значительная ее часть исчезла бы в их ходе. В 1998 г. эта помощь выразилась в освобождении от зарубежных долгов, в 2008 г. — в прямых субсидиях. Несмотря на недоверие к власти и недовольство коррупцией, бизнес не может обойтись без защиты со стороны государства. Малоуспешными оказались также попытки буржуазии самоутвердиться в политическом отношении в период избирательных кампаний 2011 и 2012 гг. и протестных выступлений того же периода.

Как совершенно справедливо подчеркивает Г.И. Ханин, развитие российской буржуазии происходит в условиях, когда значительная часть экономики продолжает избыточно контролироваться государством, когда существуют огромные препятствия для успешного развития частного сектора: высокие налоги, отсутствие надежных гарантий собственности и соблюдения контрактов, опыта ведения частного хозяйства и многое другое. Поэтому потенциал российской буржуазии, скорее всего, выше ее реальных результатов [Ханин 2013: 14].

Еще одним отрицательным фактором является непопулярность предпринимательства в России. Возможности бизнес-старта в стране только 13% граждан считают благоприятными. Часто занятие бизнесом является вынужденным: из-за невозможности найти работу только в 2012 г. пришли в бизнес более трети предпринимателей, еще столько же пытаются за счет мелкого бизнеса поддержать уровень семейного дохода¹. Поэтому эксперты делают вывод, что рассчитывать на значительный рост предпринимательского сектора в России в ближайшие годы не приходится.

Возможно, выделение российской *национальной* буржуазии позволит определить тот прогрессивный слой, который настроен на модернизацию страны, является носителем типично буржуазных ценностей. Но весьма расплывчатое определение национальной буржуазии как «слоя/класса собственников, играющего позитивную роль в социально-экономическом развитии страны, служащего основой государственности и локомотивом общественного прогресса», данное в аналитическом отчете НИРСИ², мало что объясняет с точки зрения ее либеральности.

Но либеральная модернизация экономики в России рассчитывает на все группы населения, чья социальная практика основана не на патерналистских и коллективистских ценностях, а на индивидуалистических ценностях и рациональном выборе. Они перестают перекладывать ответственность за свое благополучие на государство, а все свои надежды связывают с собственной инициативой, личной устремленностью на изменение своего социального положения [Мерзликин, Иванов 2010: 115]. Представители экономически самостоятельных, образованных когорт преимущественно городского населения, как правило, являются носителями типично буржуазных ценностей, но при этом связывают свои личные интересы с интересами страны. Сложился даже некоторый набор стереотипных представлений, что субъектом, «локомотивом» инновационной модернизации в стране должны стать люди моральные, образованные, самодостаточные, имеющие активную жизненную позицию, стремящиеся к социально значимой самореализации, независимые от произвола власти, и т.д. [Окара 2009: 12].

Действительно, основные акценты либерализма направлены на определенную ценность, к которой стремится человек, — на экономическую свободу. При этом реализация конструктивной функции рынка в проведении социальной политики возможна с опорой на активные слои населения, для которых характерны индивидуализм, личная активность, рациональность, стремление к развитию и успеху. Это распространяется не только на буржуазию, но и на средний класс, хотя эти два класса различаются не только по уровню доходов, но и по образу жизни, у них разная социальная психология и разная степень социальной солидарности, социокультурные ценности и политические ориентации, а в результате — и разные модели

¹ Там же.

² Аналитический отчет Национального института развития современной идеологии (НИРСИ) по результатам исследовательского проекта «Российская «национальная буржуазия» как новый социальный слой: представления в общественном сознании». 2011. Доступ: <http://www.nirsi.ru/118> (проверено 05.10.2014).

экономического поведения. Но, по мнению ведущих российских социологов, именно средний класс в России характеризуется необходимыми для модернизации чертами: динамизмом, мобильностью, инновационностью, яркой мотивацией на достижение результата [Дилигенский 2002: 245-248; Заславская 2007: 265; Радаев 2003: 424]. Как отмечает Т. Заславская, он, с одной стороны, имеет некоторые (хотя и меньшие, чем у вышестоящих слоев) ресурсы для свободной инновационной деятельности, а с другой (хотя и с меньшим основанием, чем нижестоящие слои) — может рассматриваться как массовый. Сочетанием таких качеств не обладает ни один другой слой [Заславская 2007: 253].

За свою короткую историю в новой России формирование среднего класса прошло уже 3 этапа: собственно зарождение (1960–1980 гг.), глубокая депривация (1990-е гг.), возрождение в новом социальном составе и с существенно иными социальными качествами [Колбановский 2013: 45]. По мнению Г. Дилигенского, средний класс в 1990-е и нулевые годы, будучи разобщенным и инертным, не имел средств воздействия на политический и социальный уровни управления обществом, его неорганизованность и раздробленность не позволили его скрытому конфликту с бюрократией перерасти в открытые и социально-конструктивные формы [Дилигенский 2002: 278].

Но уже в 2006 г. на основе специального индекса уровня жизни, разработанного Н. Тихоновой, Н. Давыдовой, И. Поповой, М. Горшковым [Горшков 2007: 4], было выделено 10 страт российского населения, среди которых 5–8-е страты (не менее 1/3 населения) представляли средние слои. Ядром этих страт является российский средний класс (20–22% населения страны), выделенный по довольно жестким критериям: уровень образования — не ниже среднего специального; душевой доход — не ниже медианного для данного региона; характер труда — не физический; самоидентификация — со средними слоями общества.

Как писал в начале 2012 г. президент В.В. Путин, «в России за последние 10 лет сформировался значительный слой людей, которых на Западе относят к среднему классу. Это люди с доходами, которые позволяют в достаточно широких пределах выбирать — потратить или сберечь, что купить и как именно отдыхать. Они могут выбирать такую работу, которая им нравится, у них есть определенные накопления. И, наконец, средний класс — это люди, которые могут выбирать политику. У них, как правило, уровень образования такой, что позволяет осознанно относиться к кандидатам, а не “голосовать сердцем”. Словом, средний класс начал реально формулировать свои запросы в разных направлениях. В 1998 году средний класс составлял от 5 до 10% населения — меньше, чем в позднем СССР. Сейчас средний класс, по разным оценкам, составляет от 20 до 30% населения»¹.

Но с ростом численности меняются и некоторые характеристики этого класса. Возрос его ресурс «для свободной социально-инновационной деятельности»: развилась частная собственность как в средних и мелких, так и в крупных формах; ранее латентный конфликт с бюрократией обострился и стал принимать открытые формы; все более отчетливо проявляется его многослойность и двойственность; постепенно снижается его асоциальность, разобщенность, инертность и возникает стремление к самоорганизации и самозащите. Кроме того, именно средний класс использует социальные сети в качестве средства социальной мобильности, а также классовой самоорганизации и самозащиты [Колбановский 2013: 53]. Уличные шествия и демонстрации 2011–2012 гг. являются подтверждением этих тенденций.

Однако среди российских ученых до сих пор существует и иная точка зрения, подвергающая сомнению существование в России среднего класса. По их мнению, статистически можно выделить только «средний потребительский слой», но это весьма зыбкая социальная прослойка, которая не может выполнять функцию основы общества или «социального стабилизатора» (по М. Веберу). «У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса.

¹ Путин В.В. Россия сосредотачивается. Вызовы, на которые мы должны ответить. — *Известия*. 16.01.2012.

Нельзя отождествлять статистическую группировку и исторически сложившееся социальное образование. Это — принципиально различные общественные категории» [Симоныч 2012: 46]. Реального же среднего класса как носителя базовых ценностей гражданского общества в России до сих пор нет.

Противоречивость среднего класса проявляется и в его отношении к самому процессу модернизации. С одной стороны, социальную базу и модернизации, и либеральной идеологии составляют высокообразованные, востребованные в обществе люди, жители столиц и мегаполисов, обладающие большими адаптационными ресурсами. Они являются сторонниками рыночного хозяйства, уменьшения государственного вмешательства в экономику.

С другой стороны, именно средний класс определяется историками и социологами как стабилизатор общества. Специалисты считают, что чем больше по объему средний класс, обладающий достаточными средствами, чтобы обеспечить эту стабильность, тем меньше вероятность социальных и экономических катаклизмов в обществе, которое в своем потреблении ориентируется на нормы современной массовой культуры.

В России средний класс даже по самым оптимистичным расчетам составляет социальное меньшинство (20–22%), поэтому его представители ставят во главу угла обеспечение стабильности собственного положения, политическая ориентация у него скорее не модернизаторская, а консервативная [Федоров 2012]. Кроме того, средний класс владеет частной собственностью, пусть и в самой ограниченной степени, и в этой своей части пересекается с мелкой буржуазией. Подавляющее же его большинство занимается обслуживанием и зависят от государственного и капиталистического укладов. Это его промежуточное положение между трудом и капиталом во многом определяет его противоречивость, двойственность, неомогенность, многослойность.

Не менее противоречива и сама либеральная платформа, призванная сплотить вокруг себя сторонников либеральной идеологии. В ней можно проследить не только отход от собственно классического либерализма, но и поправки к либерализму социальному, когда утверждается, что либеральные идеи можно реализовать только в сильном государстве, способном защитить свободы от внешних и внутренних угроз. Пытаясь соединить в своей платформе все либеральные ценности: частную собственность, свободу, солидарность, справедливость, суверенитет правящая партия не смогла избежать образованной их сочетанием линии внутреннего напряжения в идеологии классического либерализма, которая с эволюцией либеральной идеологии становится все более выраженной и значимой [Суханова 2008]. Поэтому и ей пришлось признать, что естественной основой реальной свободы является частная собственность. Она обеспечивает независимость человека от государства и от других людей.

Подчеркнем еще раз, что буржуазией в современных российских условиях следует считать не всякого собственника, а только того, кто еще и распоряжается, управляет своей собственностью в целях получения прибыли.

Именно свобода такой частной собственности является краеугольным камнем либерализма. Собственность в либерализме — это ответственность и риск, связанный с видом деятельности (предпринимательство). В России же частная собственность может не считаться объектом трудовой деятельности: частная собственность в глазах многих россиян — лишь дополнительный источник потребительских благ [Капустин, Клямкин 1994: 74]. Отсюда и существующая до сих пор неготовность большинства россиян использовать свою собственность в производстве.

Американский ученый Р. Хизрич характеризует предпринимателя как человека, который, затрачивая все необходимое время, силы, вкладывая капитал, берет на себя весь риск: финансовый, психологический и социальный. Тогда при достижении успеха наградой становятся не только прибыль, полученная в результате предпринимательской деятельности, но и чувство удовлетворения, которое испытывает предприниматель от занятия свободным предпринимательством. Но при этом он должен принять на себя весь риск потерь в случае банкротства его предприятия

[Хизрич, Питерс 1991: 19]. Риски предпринимательства для большинства россиян существенно более весомы, чем возможные прибыли.

Признавая, что подлинная прочная свобода основывается на фундаменте частной собственности, либеральная часть правящей партии смешивает понятия частной и личной собственности. Понятно, что каждый взрослый человек в России обладает именно личной, а не частной собственностью. И такая собственность не является гарантией достатка. Гарантированным же источником выживания и достатка многие россияне по-прежнему считают труд.

Итак, кто же сегодня в России является реальной социальной базой либерализма? И какие социальные группы российского общества напрямую заинтересованы в переводе отечественной экономики на инновационные рельсы, являются носителями модернизаторской идеологии и все свои надежды связывают с собственной инициативой, личной устремленностью к изменению своего социального положения? Кто, наконец, открыто выражает свое желание модернизировать страну?

Это не крупная буржуазия, как правило сырьевая, которая, во-первых, сориентирована на Запад, а во-вторых, не заинтересована напрямую в модернизации всей отечественной экономики (ей выгоднее сохранить сырьевой характер экономики). Это не средняя буржуазия, значительная часть которой без помощи государства исчезла бы в ходе экономических кризисов, а следовательно заинтересована больше в сильном государстве, чем в своей самостоятельности и экономической свободе. Это и не национальная буржуазия, которая признается партией власти «самой надежной опорой всех свобод», однако эксперты не смогли признать ее безусловное наличие в современной России. Это и не мелкая буржуазия, входящая в средний класс, и не сам средний класс, ставящий во главу угла обеспечение стабильности собственного положения. Большинство обеспеченных россиян совсем не привержены «революции ценностей» и не выказывают высокую неудовлетворенность существующим положением дел в стране. Они боятся потерять работу, им еще не надоела стабильность, они в большей степени привержены традиционным ценностям российской провинции [Зелетдинова 2013а: 104].

Политические события 2011–2012 гг. и последовавшие за ними действия власти, направленные в сторону политической модернизации и либеральной идеологии, показали, что их инициатор сосредоточен в больших городах (прежде всего в Москве), где экономические условия сильно отличаются от условий жизни во всей остальной России. Именно в мегаполисах, в новых экономических нишах, в первую очередь в сфере услуг и малого предпринимательства, стал формироваться особый слой. Он столь многочислен, что определяет теперь социальное лицо Москвы. Это позволило назвать его новым московским средним классом, у которого сформировалось пока даже не новое социальное сознание, а чувство своей особенности... [Механик, Рогожников 2013]. Именно в таких больших городах, как Москва, по мнению Ричарда Флориды [Florida 2005], скапливается достаточное число людей, формирующих новые смыслы. Эти люди креативны, результативны, интеллектуальны. Но вместе с тем они мобильны, чувствительны к комфорту, но менее консервативны, чем средний класс. Это так называемый *креативный* класс. Ключевой характеристикой в выделении этого слоя, как видно из определения, является не экономическое положение.

Либеральная часть партии власти считает, что проблему с протестами можно решить, решив проблему экономического роста и рабочих мест. Но анализ влияния экономических факторов на формирование протестного поведения показал, что они повлияли на этот кризис лишь опосредованно [Зелетдинова 2013б: 28]. Так, в январе 2012 г., на который пришелся пик протестных выступлений, доля россиян, ожидающих ухудшения своего материального положения, упала до исторического минимума. Большинство россиян (и их к этому моменту стало больше) считали, что их материальное положение не изменится (47% в 2011 г., 57% в 2012 г.), особенно это было характерно для москвичей и петербуржцев (68%).

Предлагаемые партией власти изменения экономической политики – снижение уровня процентных ставок в стране, налоговой нагрузки бизнеса на фонд оплаты

труда, развитие рынка облигаций, изменение характера межбюджетных отношений — мало касаются того слоя, который реально разделяет либеральные ценности. Они скорее направлены на снижение бремени самого государства по развитию в России бизнеса, прежде всего среднего. Однако власть тут же утверждает, что нельзя построить мощную экономику, опирающуюся на частную собственность, без крупных государственных проектов, по сути продолжая политику государственного патронажа бизнеса: «В числе первоочередных задач мы видим создание в России полноценной финансовой системы, работу над расширением кредитных возможностей для национальной буржуазии». В этих условиях призыв к этому слою принять свою долю ответственности за развитие страны во всех его аспектах и выдвинуть свою политическую программу, что было бы логично в социальном государстве, основанном на рыночной экономике¹, является делом будущего, скорее всего, довольно отдаленного.

Российский средний класс если и будет расти дальше, то будет пополняться за счет врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих², иначе говоря, бюджетников, чье благополучие напрямую зависит от государства. И даже став социальным большинством в обществе, он не будет носителем либеральной идеологии по определению.

Вот и получается, что желание модернизации страны, требования серьезных экономических изменений формулирует и выражает тот особый слой, который не просто адаптировался к условиям рынка, а способен обойтись без поддержки государства и психологически не зависит от него. Представители этого слоя не просто реализовали свое право на хорошо оплачиваемую работу, но и не боятся ее потерять. Материальные проблемы у большинства из них решены. Они не боятся быть уволенными, потому что уверены, что быстро найдут новое место работы. Именно они сумели использовать социальные сети для своего личного развития и социальной мобильности, а в определенные моменты — для выражения своей политической позиции. Это молодые люди (как правило, москвичи), мобильные, имеющие определенные финансовые ресурсы, которые позволяют им в течение полугода не работать или куда-нибудь переехать при необходимости [Федоров 2012]. Эти социальные капиталы являются для них «реальностью первого порядка» и формируют совершенно другую иерархию капиталов. Они являются для них ценностно-значимыми и престижными и обеспечивают им ту самую свободу, которая является главной ценностью либерализма.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01014.

Список литературы

Горшков М.К. 2007. Российское общество как новая социальная реальность. — *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. Вып. 6. М.: ИС РАН. С. 3-9.

Дилигенский Г.Г. 2002. *Люди среднего класса*. М.: Институт фонда «Общественное мнение». 285 с.

Заславская Т.И. 2007. Проблемы социетальной трансформации российского общества. — *Избранные произведения*. В 3 т. М.: Экономика. Т. 2. 265 с.

Зелетдинова Э.А. 2013а. Социально-экономические факторы оппозиционности в России. — *Вестник АГТУ*. № 2(56). С. 99-107.

Зелетдинова Э.А. 2013б. Экономический кризис и протестное поведение в России. — *Вестник АГТУ. Сер. Экономика*. № 2. С. 19-30.

Капустин Б.Г., Клямкин И.М. 1994. Либеральные ценности в сознании россиян. — *Полис (Политические исследования)*. № 1. С. 68-92.

Колбановский В.В. 2013. Средний класс — социальная реальность, «класс на бумаге» или «обман трудящихся»? — *Социс*. № 2. С. 45-53.

¹ Заявление либеральной платформы в составе партии «Единая Россия». — *Взгляд: Деловая газета*. 2013. 29 янв. Доступ: <http://www.vz.ru/information/2013/1/29/618049.html> (проверено 05.10.2014).

² Путин В.В. Россия сосредотачивается. Вызовы, на которые мы должны ответить. — *Известия*. 16.01.2012.

Мерзликин Н., Иванов А. 2010. Движущие силы инновационного развития. – *Россия: объективные и субъективные факторы преодоления кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 году: анализ и прогнозы*. М.: ИСПИ РАН. С. 112-122.

Механик А., Рогожников М. 2013. Россия в поисках нового пути. – *Эксперт online*. № 2(834). Доступ: <http://expert.ru/expert/2013/02/rossiya-v-poiskah-novogo-puti> (проверено 05.10.2013).

Окара А. 2009. Креативный класс как партнер государства. – *Независимая газета (НГ-Сценарии)*. № 9(102). 22 дек. С. 12.

Радаев В.В. 2003. Средний класс: модели поведения. Обычные и инновационные практики. – *Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии*: колл. монография (под ред. Т.М. Малеевой). М.: Гендальф. 506 с.

Силласте Г. 2001. Стратификация российского общества – вызов времени. – *Обозреватель (Observer)*. № 12. Доступ: http://old.nasledie.ru/oboz/N12_01/12_14.NTM (проверено 05.10.2013).

Симонян Р.Х. 2012. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества. – *Социс*. № 1. С. 37-47.

Суханова М.И. 2008. Философские основы социального либерализма. – *Политико-философский ежегодник*. № 1. Доступ: <http://www.intelros.ru/readroom/politiko-filosofskij-ezhegodnik/pfe-1-2008/7264-filosofskie-osnovy-socialnogo-liberalizma.html> (проверено 05.10.2013).

Федоров В. 2012. Средний класс в России: вчера, сегодня... завтра? – *Эксперт Юг*. № 1(240). 24 дек. Доступ: <http://expert.ru/south/2013/01> (проверено 05.10.2013).

Ханин Г.И. 2013. Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза). – *Terra economicus*. Т. 11. № 1. С. 9-28.

Хизрич Р., Питерс М. 1991. Предпринимательство, или как завести собственное дело и добиться успеха (пер. с англ.). – *Предприниматель и предпринимательство*. М.: Прогресс-Универс. Вып. 1. 160 с.

Шкаратан О.И. 2011. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах. – *Мир России*. № 4. С. 68-88.

Hughes B.V., Hillebrand E.E. 2006. *Exploring and Shaping International Futures*. Boulder, London: Paradigm Publishers. XVIII. 238 p.

Florida R. 2005. *Cities and the Creative Class*. New York, London: Routledge.

ZELETDINOVA Elvira Anvarovna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor, Head of Chair of Sociology and Psychology, Astrakhan State Technical University ((Tatishheva str., 16, Astrakhan, Russia, 414056; zeletdinova@list.ru)

ABOUT THE PROBLEM OF THE SOCIAL BASE OF LIBERALISM IN RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to the problem of determining the boundaries and the dimensions of the social base of the liberal modernization of economics in Russia. The social status of the contemporary Russian bourgeoisie and modernization potential of the Russian middle class is analyzed. This social group of the Russian society is directly interested in transformation of the Russian economics into innovation one and is the exponent of the liberal ideology.*

As the author noted, the Russian bourgeoisie is oriented on the West and is not interested in streamlining the Russian economics. The majority of the independent Russians, particularly those, who live in the country, are not yet committed to the revolution of values. They do not express dissatisfaction with the present course of state politics, because they are afraid of losing their jobs. This Russian bourgeoisie is mostly close to the traditional values of the Russian country.

Keywords: *liberalism, social layer, social ground, bourgeoisie, middle class*